

ТРАНСФОРМАЦИЯ ДЕЛОВОЙ РЕЧИ В ЛИТЕРАТУРНЫХ ПАМЯТНИКАХ МОСКОВСКОЙ РУСИ

Цой М. К.

Узбекистан, г. Ташкент,

УзГУМЯ

<https://doi.org/10.5281/zenodo.19020058>

Ключевые слова: языковое взаимодействие, поликультурное пространство, стилистические трансформации, культурная интеграция, жанровая эволюция, историческая поэтика.

Аннотация. Статья посвящена исследованию взаимодействия языка, культуры и литературы на материале русской литературы XVII в. Анализируется процесс синтеза деловой, церковно-книжной и разговорной речи, повлиявший на формирование национального литературного языка.

Современное поликультурное пространство характеризуется интенсивным взаимодействием различных языковых систем и культурных традиций. Этот процесс, активизировавшийся в условиях глобализации, имеет глубокие исторические корни и может быть продуктивно проанализирован на материале ключевых этапов формирования национальных литературных языков. Особый интерес в этом отношении представляет период XVII в. в истории русской культуры, когда происходило активное становление общенационального языкового пространства через сложное взаимодействие деловой, церковно-книжной и разговорной традиций.

XVII столетие стало переломным моментом в развитии русской литературы и языка. Интенсивные социально-политические преобразования, расширение международных контактов и рост грамотности населения создали условия для формирования новых форм культурного диалога. В этот период значительно усиливается роль деловой письменности, которая начинает оказывать существенное влияние на развитие литературного языка. Деловая речь, сохраняя традиции приказного стиля, активно впитывает элементы разговорного языка, что отражает процесс формирования общерусских средств общения.

Национальные языковые нормы начинают проникать как в официальные документы, создаваемые в центральных канцеляриях Москвы, так и в периферийную переписку. Эти изменения свидетельствуют о важных преобразованиях в деловом языке, который постепенно сближается с другими формами книжной речи – литературно-художественными и историко-повествовательными произведениями. Деловая письменность не только расширяет сферу своего применения, но и приобретает новые общественные функции. Ее речевые средства начинают использоваться в литературе в качестве выразительных элементов художественного изображения и форм общерусской речи.

Рост интереса к литературному творчеству в XVII в. способствовал появлению особого сословия грамотных людей – дьяков, подьячих и «дьячков от письма» [1]. Эти профессиональные писцы объединялись в своеобразные цеховые сообщества, так называемые «дьячьи избы», где они зарабатывали составлением различных документов – жалоб, прошений, договоров – для заказчиков. Сфера их деятельности часто ограничивалась определенными районами города, что способствовало формированию местных стилистических особенностей деловой речи.

Язык деловой письменности активно проникал в литературу посадского населения, порождая целый пласт сатирических произведений. Пародийное переосмысление официальных форм стало мощным инструментом социальной критики. Такие произведения, как «Калязинская челобитная», «Азбука о голом и небогатом человеке», «Лечебник как лечить иностранцев», «Шемякин суд», «Повесть о Ерше Ершовиче», высмеивали современное им судопроизводство, медицинские трактаты и учебные пособия. Этот процесс демонстрирует,

как деловые речевые клише превращались в эффективное средство народной сатиры [2].

В деловых текстах этого периода происходят существенные структурные изменения. Улучшается логика повествования, сложные синтаксические конструкции разбиваются на более читаемые абзацы, сохраняющие при этом все ключевые идеи и цитаты. Устраняется избыточность без потери смысловой насыщенности. Рифмованные конструкции и синонимические параллели способствуют органичному включению элементов приказного языка в систему художественной речи.

Этот процесс синтеза особенно заметен в различных жанрах деловой письменности: челобитных, договорных грамотах, духовных завещаниях, поручных записях, свидетельских показаниях, частной переписке. В этих документах традиционные книжные формы постепенно дополняются общерусскими речевыми элементами, что наглядно демонстрирует процесс формирования национального языка.

В частной переписке деловые формулы органично вплетаются в живую речь. Традиционные обороты («челом быю», «государю, здравствуй на многие лета») служат своеобразными маркерами начала и конца письма, в то время как основной текст отражает разговорную речь эпохи. Ярким примером может служить письмо Афимьи своему брату Семену Пазухину: «Государю моему брату Семену Ивановичу сестра твоя Афимья челом быю. Здравствуй, братец, на многие лета сватюшкой моею с Анной Ивановной, с невестушкою моею с Василисой Григорьевной и з детушками своими...» [2, с. 56]. Этот документ демонстрирует сочетание традиционных формул с живой разговорной речью, включая характерные уменьшительно-ласкательные формы («деревьнишьке», «робятишьки»).

Элементы делового стиля присутствуют и в частной переписке, проявляясь в таких выражениях, как «пожалуй перепусти», «ценою не сровняй». Подобные тексты наглядно показывают, как в XVII в. происходила трансформация письменного языка, где книжные традиции постепенно уступали место живой народной речи, сохраняя при этом свои позиции в устойчивых формулировках и официальных частях документов.

В деловой письменности XVII в. отчетливо проявляются черты формирования общерусского национального языка. Фонетические особенности включают аканье: «я к тебе толка даговорюс», «бьет челом халоп твой» и произношение [чн] как [шн]: «датошные люди», «рукавишнова ряду», «поперешнику». Лексика обогащается яркими народными выражениями: «скитаньем скитаюс», «смертнова убойства», «называла меня лысым бесом». Наблюдается нагнетение синонимического ряда, особенно при описании внешности: «ростом невелик, коренаст, волосом голова из темна, руса, ус пробиваетца».

Значительное место занимает как бытовая, так и профессиональная терминология: «рухледь» (имущество), «рухледишку всякую переписать», «приказная изба», «губной староста», «пушечный двор», «зелейный мастер», «пороховой мастер».

Челобитные XVII в. представляют собой уникальный лингвистический феномен, демонстрирующий активное проникновение разговорной речи в официальную документацию. Этот жанр деловой письменности стал своеобразным мостом между традициями церковно-книжной речи, официально-деловым стилем и устной народной речью [4]. Лексические особенности челобитных проявляются в интересном сочетании церковнославянизмов, используемых как постоянные эпитеты (благоверный, благодатный, благочестивый, милосердный), и народно-разговорной лексики (горький, убогий, холопий, погорелый).

Словообразовательные модели челобитных отличаются особой экспрессивностью за счет активного использования уменьшительно-ласкательных и уничижительных форм: «кафтанишко», «дворишко», «хлебешко», «батюшка», «служка», «сосудец», «одежонка», «запасишко», «травишко». Исследователи отмечают, что существительные с суффиксами субъективной оценки выполняют в челобитных особую стилистическую функцию. Они не просто отражают повседневную речь эпохи, но и служат выразительным средством, подчеркивающим положение просителя. Экспрессивность языка челобитных сближает их с художественной литературой, способствуя взаимовлиянию разных типов литературного

языка. Именно через такие документы элементы разговорной речи проникали в письменную традицию, обогащая формирующийся национальный язык и создавая предпосылки для развития реалистических тенденций в литературе.

В русской деловой литературе XVII в. сложился особый пласт сатирических произведений, где переплетались пародии на церковные службы, остроумные переделки деловых бумаг и народные сказания с ярко выраженным социальным подтекстом. Эти сочинения отличались необычным языковым сплавом – грубоватые просторечные слова соседствовали с иронически обыгранными церковнославянизмами, а уменьшительные формы придавали текстам особую выразительность. Демократическая сатира отражала настроения городских низов – ремесленников, торговцев, грамотных крестьян и низшего духовенства. В этих произведениях остро высмеивались коррумпированное судопроизводство («Повесть о Шемякином суде»), монашеский быт («Калязинская челобитная»), кабацкая культура («Служба кабаку»), чиновничий произвол («Повесть о Ерше Ершовиче») [3]. Сатирический эффект достигался за счет ярких сравнений («свернувся, яко пес»), рифмованных фраз («Дом потешен, голодом изнавшан») и парадоксальных противопоставлений («Глухие, потешно слушайте»).

Грамматика тоже работала на комический эффект – архаичные церковные формы сочетались с разговорными глаголами («скачил») и эмоциональными обращениями («радуйся, корчмо несытая»). Особенно выразительными были пародийные приемы, когда возвышенные церковные формулы использовались для описания пьянства, как в «Службе кабаку»: «На велицей вечерни позвоним во все платье... понесем из погребца большой ведро вина».

Эти произведения создавали запоминающиеся образы социальных типов – монаха-пьяницы, кабацкого завсегдатая, несправедливого судьи или ловкого мошенника. Через смех и иронию авторам удавалось говорить о серьезных проблемах общества. Такие тексты стали важной вехой в истории литературы – они сближали книжный язык с живой разговорной речью, обогащали литературу новыми выразительными средствами и закладывали основы социально-критического направления в русской словесности. Сатирическая культура XVII в. выработала изощренные приемы пародирования, где высокий стиль церковных текстов сталкивался с низменными бытовыми реалиями. Богослужебные формулы неожиданно превращались в описание попойки, а канцелярские обороты обретали гротескный смысл. Яркие типажки – от беспробудного монаха до судьи-взяточника – возникали из этого языкового карнавала. Кабацкий завсегдатай и ловкий пройдоха становились героями нового времени, высмеивая пороки общества. Такие тексты совершили переворот в литературном языке, смешав книжную мудрость с площадной речью. Они открыли дорогу сочному народному слову, обогатили палитру выразительных средств, заложили традицию социального обличения. Именно из этого бурлящего котла родилась русская сатира, которая позже расцвела в произведениях последующих веков.

References:

1. Ковалевская Е. Г. Избранное. 1963–1999 / Под ред. д-ра филол. Наук проф. К.Э. Штайн. – СПб. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2012. – 687 с.
2. Кусков В. В. «История древнерусской литературы»: учебник для вузов, 11-е изд., испр. и доп., Москва: Юрайт, 2024. – 311 с.
3. Повесть о Ерше Ершовиче / Подг. текста и комм. А. М. Панченко / Памятники литературы Древней Руси: XVII век. – М., 1989. – С. 176-181.
4. Цой М. К. Русский литературный язык: демократизация и предпосылки его национализации в период Московского государства // Вестник науки. 2025. №5 (86). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-literaturnyy-yazyk-demokratizatsiya-i-predposylki-ego-natsionalizatsii-v-period-moskovskogo-gosudarstva>.